

ИСАИЯ БЕРЛИН

НИКИТА ХРУЩЕВ

РАУЛЬ ВАЛЛЕНБЕРГ

ХАННА АРЕНДТ

ПРИМО ЛЕВИ

Д. Д. СЭЛИНДЖЕР

ВЯЧЕСЛАВ ИЗМАЙЛОВ

СОЛ БЕЛЛОУ

А *Личный архив*

АНАТОЛИЙ

НАЙМАН

«ЕВРЕЙСКОЕ СЛОВО»:

КОЛОНКИ

Личный архив

Анатолий Найман

«Еврейское слово»: колонки

«Издательство АСТ»

2017

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Найман А. Г.

«Еврейское слово»: колонки / А. Г. Найман — «Издательство АСТ», 2017 — (Личный архив)

ISBN 978-5-17-105714-5

Скрижали Завета сообщают о многом. Не сообщают о том, что Исайя Берлин в Фонтанном доме имел беседу с Анной Андреевной. Также не сообщают: Сэлинджер был аутистом. Нам бы так – «прочь этот мир». И башмаком о трибуну Никита Сергеевич стучал не напрасно – ведь душа болит. Вот и дошли до главного – болит душа. Болеет, следовательно, вырастает душа. Не сказать метастазами, но через Еврейское слово, сказанное Найманом, питерским евреем, московским выкрестом, космополитом, чем не Скрижали этого времени. Иных не написано.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-105714-5

© Найман А. Г., 2017
© Издательство АСТ, 2017

Содержание

2005 год	6
21–27 декабря	6
2006 год	8
11–17 января	8
18–24 января	10
25–31 января	12
15–21 февраля	14
1–7 марта	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Анатолий Найман

«Еврейское слово»: колонки

© А.Н. Найман, 2017

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2017

Памяти Владимира Дьнькина

В конце 2005 года позвонил редактор еженедельной газеты «Еврейское слово», предложил вести в ней колонку. До того времени я о таком печатном органе не слышал. Попросил прислать несколько номеров для ознакомления и нашел их достаточно живыми, занимательными, серьезными и одновременно сколько-то тенденциозными, скучноватыми, доморощенными. То есть ровно такими, как большинство профильных текущих изданий. Лучше многих. Хотя и похуже некоторых. Тираж 42200 экземпляров (в кризис порядочно уменьшился), учредитель – Федерация Еврейских Общин России. Рассылается по подписке, в продажу не поступает.

Я согласился попробовать. Для работодателей «согласился» означает переход в их повиновение, «попробовать» не означает ничего. Первое, что от меня потребовали, это безотлагательно придумать название постоянной рубрики, под которой моя колонка будет печататься. Ничего лучше, чем «Взгляд частного человека», мне в голову не пришло, и до сегодняшнего дня я об этом не пожалел. Частным человеком я прожил все советское время и, насколько удастся, живу по сию пору. В эпоху тоталитарную как при коммунистах, или тяготеющую к авторитарности как сейчас, «частный человек» – это гражданская позиция, идейная установка, политическая философия. И сверх того, специфически привлекательно, по моим наблюдениям, для еврейского сознания с его азартной склонностью к независимости.

Писал по три колонки в месяц, последние два года каждую неделю. Издательство предложило их собрать и выпустить отдельной книгой. Какие-то я забраковал по соображениям вкуса, от других отказался потому, что близки одна другой по содержанию или уже отразились в других моих сочинениях. В газете на них лежала печать сиюминутного импульса. Понять, стоят ли они чего-то собранные воедино, или вид целостности им придает только обложка, мне не достает ни воображения, ни трезвой оценки. Так что узнать это смогу не раньше, чем выйдет книга. Как любой читатель.

Анатолий Найман, 2012

2005 год

21–27 декабря

Эту историю рассказал мне Исая Берлин, привожу дословно (мы говорили по-русски).

«Нету еврея в мире – крещеного, некрещеного, – в котором нет какой-то крошечной капли социальной неуверенности. Который считает, что он должен вести себя немножко лучше, чем другие – а *тоони, им* это не понравится. К губернатору Иерусалима, еврейскому, пришли канадские евреи, в 1947 году, уже после осады. Он был во время осады Иерусалима арабами, и он вел дело довольно храбро и умело. По происхождению канадский еврей. К нему пришла делегация канадская, сионистская. Желали поговорить, спрашивали его, что нужно делать. Он давал разные советы, что нужно делать в Канаде – им. Они сказали: нет, вы знаете, если мы это сделаем, то это может канадцам не понравиться. Он сказал: а я думал, что *вы* канадцы».

Прелестная история. Я ее вспомнил, когда по новостям показывали концерт дружбы народов из Воронежа. Несчастные студенты из стран третьего мира, которым в этом городе не дают выйти на улицу, избивают и убивают, нарядились в подобие национальных костюмов и, как умеют, пели и приплясывали. Хотели понравиться. Не понравились. Не начальству, которое это придумало как мероприятие для рапорта наверх – а тем, кто избивает и убивает. Тем, кому они «не нравятся». И чем больше притопывают и трясут попками, тем больше не нравятся.

Нравиться не обязательно. Обязательно – вести себя с достоинством. Мы помним эпизод из книги Кенелли «Ковчег Шиндлера», когда лагерное начальство приказало трем сотням евреев подходить к лежащей Торе и плевать в нее – под угрозой немедленного расстрела. Отказался один – и был на месте застрелен. Остальные, согласившиеся, назавтра.

Я помню ослепительную вспышку сознания в юности после прочтения то ли Сэлинджера, то ли Толстого: «Ты никому ничего *недолжен*». Не то чтобы я эту фразу вычитал, просто она ни с того, ни с сего во мне прозвучала. Юношеский максимализм. Но она была правильная. Методологически правильная и практически. Ты не должен, не обязан соглашаться на предлагаемое. Даже если предлагают якобы на выбор. Благополучие или так себе. Учиться на инженера или идти в рабочие. Ассимилироваться или уходить в национальную обособленность. Это выбор искусственный, намеренно усеченный. Ему противостоит единственная настоящая альтернатива: принимать предлагаемое – или поступать по потребности изнутри.

Нам предлагают выбрать – и это относится отнюдь не к одним евреям: государство или гетто. Или отдайся государству: России, Израилю, *Северной* Корее, *Материковому* Китаю – или «не выступай». Но эта реальность поддельная, навязываемая. Никому не может быть дела до того, насколько я люблю или не люблю жену, мать, детей, это касается только меня и их. То же и страну, в которой я родился и прожил всю жизнь. Никто не заставит меня понять, почему она кому-то принадлежит больше, чем мне. Почему Германия больше геббельсовская, чем томасманновская. Почему Геббельс любит ее больше, чем Томас Манн. У глагола «любить» нет повелительного склонения. Кроме альтернативы гетто – государство, есть еще такая форма социального существования, как, например, евреев в Америке. Они живут в этой стране точно так – ни исключительнее, ни угнетеннее, – как еще четверть миллиарда прочих американцев: ирландцев, негров, греков, латинос, украинцев.

Выезжая из России, я становлюсь русским. За границей не объяснить, что да, я рашн, но вообще-то мать у меня татарка, а отец поляк. Я просто начинаю разделять достоинства и дефекты того стереотипа, который сложился – и не без оснований – там о русских. Я не вижу

причин, почему дома мне следует вести себя иначе. Перед людьми, которым ты не нравишься, не надо петь, танцевать и разглагольствовать о человеческом братстве. Надо быть с ними ровно таким, каков ты в своей квартире. Иногда это может привести к конфликту, к неприятностям. Но ведь и квартира от них не защищена: ее затопляют соседи сверху, отключается вода и электричество, в ней можно заболеть и беспомощно валяться с высокой температурой. В ней в конце концов возможно и умереть. Но, по крайней мере, с тобой останется самоуважение. Когда хоккеисты сборной России заняли третье место, ее тренер Владислав Фетисов, отыгравший много лет в Соединенных Штатах, сказал недовольным, считавшим, что так мы роняем себя перед миром: «Научимся уважать сами себя. Тогда нас будут уважать другие».

В романе Имре Кертеса «Без судьбы» венгерский жандарм, сопровождающий поезд с евреями в Освенцим, заглядывает в вагон и предлагает сдать ему оставшиеся на руках деньги и ценности: «Там, куда вы едете, это вам больше не понадобится. Немцы все равно отберут. Так что пусть лучше попадет в венгерские руки!» «После короткой паузы, не лишенной некоторой торжественности, он (тут его голос стал почти теплым, в нем зазвучали доверительные интонации и готовность все забыть и простить) добавил: «В конце концов, вы ведь тоже венгры!»»

Пронзительная сцена. На миг меня захватывает сумасшедшее желание: вот сейчас кто-то в вагоне ответит: «Почему это мы «тоже», а не ты «тоже»? Чем ты больше венгр, нежели я? Я венгр, я европеец, я еврей, но прежде всего я – я!»

2006 год

11–17 января

В начале ноября в Нью-Йорке я переходил Парк-авеню и едва не налетел на велосипедиста. Или он на меня – мы не стали разбираться, чья вина. Это был чернокожий мужчина лет под пятьдесят, в последний момент он обоими колесами вспрыгнул на тротуар, встал как вкопанный и неопределенно мне улыбнулся. Я ему. Он сказал, что я при ходьбе неправильно распределяю вес. Нельзя, чтобы вес целиком оказывался то на одной ступне, то на другой. Даже при полной опоре на левую, следует оставлять немного тяжести и для переносимой по воздуху правой. Как бы чуть-чуть проплывать над землей. Все это он произносил, спешившись и наглядно демонстрируя. Разумеется, нужна тренировка. Упражнения. Он показал несколько, немного присел, отклонил туловище, которое держал вертикально, назад, вперед, качнул его далеко направо, далеко налево. Чтобы приобрести такие навыки, сказал он, лучше всего велосипед. Он сел в седло, ступни на педалях, и в стоящем неподвижно велосипеде перевалился глубоко на одну сторону, на другую, раз десять. Спросил, есть ли у меня велосипед. За сотню можно купить подержанный прекрасного качества. Если я хочу, он может пойти со мной в магазин прямо сейчас: ближайший – в двух кварталах. Я сказал: не сейчас. Он предложил тогда хотя бы повторить показанные им движения. Я повторил... Теперь попробуйте «проплыть». Великолепно. Хотите на велосипеде?.. Я отказался вежливей, чем требовалось, давая знать, что на этом мы расстаемся... А откуда вы?.. Из Москвы, Россия... Там есть велосипеды для зимы?.. Я сказал: не у всех. Всего вам доброго... А сколько вам лет?.. Штук на двадцать больше, чем вам... Он произнес: как я вам завидую! В таком возрасте – и впереди еще освоение велосипеда и ходьбы с правильным распределением веса. И умчался, свешиваясь туда и сюда.

Через неделю я ехал в троллейбусе по Бутырской улице. Через проход сидела старая женщина с энергичным лицом и готовностью заговорить – так что я, не поворачивая головы, смотрел прямо перед собой. У «Макдональдса» она проговорила первое слово. «Сволочи!» Никому – всем. Дальше ожидаемый текст: понастроили, понахапали, понаехали. «Пришлые!» Это слово выдало некоторую литературность ее сознания, но обдумывать не было времени, потому что она взвыла: «И салон перестраивают! Ничего нам не оставляют!» Салон был салон красоты, в который, как я, проезжая множество раз мимо, видел, входили местные красотки и решительные крупные мужчины. Я готов поклясться, что у кого перестройка здания не отняла этот рай, это у ораторши. «Чтоб они все поразбивались на своих мерседесах! – взошла она в зенит, доведя голос до максимума. – На всех иномарках! На жигулях и нивах – ничего: наши ездят, нищие. Пусть ездят, если хотят. А на этих – насмерть! До одного!» «А на велосипедах?» – спросил кто-то под несколько смешков. Смешки булькали вдоль всего ее монолога, неизвестно чьи, я не оборачивался. Но тут мне было выходить, я увидел, что обращалась она не ко всем, а к четырем парням на сидениях позади нее и меня. Лица ребят, скажем, после дембеля, скажем, с московской окраины, выражающие независимость, но без вызывающей агрессивности. «На велосипедах? На велосипедах пусть не разбиваются», – разрешила она.

Я ехал на беседу с влиятельным человеком, про которого непонятно было, богач он, или политик, или то и другое. В немногих словах по телефону он сказал мне, что хочет сделать интересное предложение. Не против ли я встретиться в кафе фитнес-клуба? А может быть, и разделить с ним сам спортивный сеанс? Тогда пусть захвачу сменные кроссовки... Уже в кафе он все время разминал шею и плечи. Это действовало на меня, создавало впечатление, что разговор отнимает его фитнес-время. Он предложил мне сотрудничать в новой, создаваемой им и еще несколькими «серьезными партнерами» газете. Она будет совершенно свободной –

но не либеральной. В частности, она будет недвусмысленно ориентировать читателей на то, что главной причиной их затруднений и неприятностей в делах и в быту – так же как затруднений и неприятностей всего государства – являются чужаки. Оборотливые, беспринципные и связанные круговой порукой, они опережают коренное население в делах и напрягают повседневную жизнь в соответствии со своими обычаями... На этом месте он предложил нам перейти в тренировочный зал, «джим», как он его назвал.

В джиме он сел в приспособление, раздвигающее и сгибающее руки и ноги, и мне указал на такое же рядом. Я сказал, что предпочитаю качалку, в неподвижном, по возможности, состоянии. Из качалки я сказал, что расхожусь с ним во мнении о чужаках. Но что даже если бы он был прав и положение надо как-то поправлять, настрой на антагонизм не кажется мне продуктивным. Я пояснил: мне же не приходит в голову считать причиной возникающих в моей жизни затруднений и неприятностей то, что вы оборотливо сосредоточили в своих руках богатство и политическое влияние, частью которых, по вашей логике, мог бы обладать я.

Он пересел на велосипед без колес и погнал. На одном месте, но, мне казалось, что уско-ряясь. Только из вежливости я встал на резиновую дорожку, включил минимальную скорость и зашагал – тоже на месте. Через минуту, пройдя, стало быть, метров сто, я понял, что аудиенция сто метров назад была закончена. Но шагалось легко и ритмично, и я не стал выключать мотор. В голову бесконтрольно, как бывает во время моциональной прогулки, приходили разрозненные, по большей части, дурацкие мысли. Я подумал: куда это и откуда могла ехать старуха? Решил, что с Тимирязевского рынка, где торгуют разогревающие ее кровь азеры, в свою однокомнатную квартиру – в доме, где на первом этаже Дворец бракосочетания с белыми лимузинами у дверей. Потом я поймал себя на том, что непроизвольно проделываю движения, которым научил меня негр. А он откуда и куда? Наверно, с юга Манхаттена, из гавани, где всегда пахнет океаном, – в комиссионный магазин на 81-й улице между Второй и Первой авеню, где иногда можно нарваться на потрясающий плащ «Жиль Сандр» за полцены. И то, и другое было из области гаданий. Определенно я мог сказать только, что мы с влиятельным человеком неслись ниоткуда в никуда.

18–24 января

В конце 2005 года (28. 11) на информационной ленте агентства Юнайтед Пресс Интернешнл был опубликован краткий анализ роли России в мире – современной и будущей. У россиян, говорилось в сообщении ЮПИ, доминируют две точки зрения на свою страну. Что Россия – великая держава. И что, не сохранив этот статус, она развалится. Автор анализа находит такие представления отравляющими национальное сознание неоправданным пессимизмом. Он считает, что и первое – едва ли, и второе. Едва ли Россия станет великой державой и едва ли развалится, не став. Гораздо реальнее, что Россия станет великой страной вроде Канады. Одной, заметим, из ведущих семи, а сейчас (после прибавления к семерке России) восьми стран планеты. И настоящий выбор для России – это стать второй Канадой среди западных стран, или такой же Канадой в орбите Китая.

Одна из многочисленных выкладок футурологов. Неглупая, небезосновательная, однако и не внушительная, а главное, такая же безответственная, как все во все времена разговоры о будущем. Исполнится – «я говорил»; не исполнится – никто не вспомнит. Но, как многие такие разговоры, занятая и подталкивающая на самостоятельное рисование подобных полуреальных-полумечтательных картин. Особенно в такие, как сейчас, дни года, «в крещенский вечерок», когда, по свидетельству поэта Жуковского, «девушки гадают». Например: а правда, как будет выглядеть карта мира лет через пятьдесят? Ну Китай, ну Соединенные Штаты, ну какая-никакая Европа. Эти три, положим, воплотят схему из романа Орвелла «1984»: будут по двое объединяться против третьего. Россия какое-нибудь место свое найдет – или ей найдут. А вот такая малая-шалая-бывалая страна Израиль – интересно, с ней что будет? Мне так очень интересно.

Потому что как силу и державу брать ее в расчет не получается. Зато как имя и место на земле никакому Китаю не уступает, скорее уж наоборот. Лет тридцать тому назад я перевел стихи бурятского поэта – по подстрочнику, понятное дело. Мы дружили, выпивали, иногда неумеренно. Ему в издательствах без обвиняков заявляли, что надо Наймана сменить на переводчика титульной нации. Но он уперся и, как сейчас говорят, меня не сдавал. Однажды познакомил со своим другом лет семидесяти, известным бурятским композитором. Маленький, изящный, с совершенным, как будто вырезанным из терракоты, азиатским лицом, тот тоже был выпивши, крепко. Пока мы пожимали один другому руки, он на меня пристально посмотрел и спросил: «Грузинчик?» Я сказал, что нет, что еврей. Пора уже было из его ладони свою вынимать, но он держал, как клещами. И, этим напряженным усилием словно бы подчеркивая важность момента, размеренно проговорил: «Мы, восточные люди, друг друга всегда поймем». Я внутренне засмеялся: ни сам, ни евреи вообще не совмещались тогда в моем сознании с ориентальностью. Где Восток, где я – ничем, кроме европейской культуры, не питавшийся, кроме воздуха европейского искусства не дышавший, кроме как европейской мыслью не умневший?

Не то теперь. Восток выходит – если не вышел уже – на первый план, и не в привычных нам мягких с расплывчатыми очертаниями формах, а в привычной нам западной структуре. На географических картах Запад бледнеет, Восток наливаются интенсивным цветом, и неожиданно для себя мы видим, что Израиль на востоке. Более того, он всегда был на одной карте с Китаем: не на нынешней только, а и на немыслимо давней – на которой ни ЕС, ни США не обнаружить. Так что трудно представить себе, что ЕС выдюжит, США выживут, а Израиль нет. Что бы великие силы и державы для него ни придумали, он через всё уже проходил и знает, что в каком случае делать. Что в Палестине, что в Египте и что в Вавилоне. Президент Ирана Ахмадинежад предлагает ему переселиться в Европу. Но мы помним другое предложение – когда Иран был Месопотамией, президент царем, и Ахмадинежад Киrom. То предложе-

ние было принято, после 70 лет плена 50 тысяч евреев вернулись в Обетованную Землю, и снова все пошло-поехало.

Когда Китай станет могучим, как Навуходоносор, а Израиль останется все тем же хутором между Средиземным и Красным морями, что предпримет могущественный владыка? Пошлет, как в детективном романе Беркли «Отравленные шоколадки», миллион коробок конфет с четвертью грамма нитроглицерина, впрыснутого в каждую? Но это уже было только что проделано со сводным кузеном Израиля Биробиджаном. В гораздо более устрашающем виде многотонного выброса в Амур китайской химии, неотвратимо катившегося к Еврейской автономной области. И что? Никакого эффекта: мы, сказал кузен, пьем только из артезианских колодцев, отвалите.

Просто сотрет с лица земли? А что, возможно. Хотя не очень похоже. Китайцы все-таки. Живут ради каких-то своих китайских целей. Это арабы о себе забывают, только и думают что о евреях. А китайцам в этой продутой хамсином территории какой прок? Больше, чем евреи, фиников не соберешь, помидоров не вырастишь, операций на открытом сердце не сделаешь. А так – пустыня, камни. Особенно если в твоей орбите уже есть такая роскошная Канада.

И потом, если оставить Израиль, как он есть, можно же показывать всему миру ту древнюю карту: вот смотрите, это мы, Поднебесная. Не подделка – видите, вон на ней Иудея, вон Иерусалим, Самария, Галилея. Все по-честному.

Восточные люди друг друга всегда поймут.

25–31 января

Иосиф Бродский умер 28 января 1996 года. За истекшее десятилетие степень его публичного признания, его калибр как поэта, масштаб фигуры, его репутация, место в русской культуре и в мировой почти не изменились. После получения в 1987 году Нобелевской премии все это установилось в том виде, какой сохраняется по сей час. Уже не первое поколение молодых поэтов проходит через влияние, а часто и прямое подражание его поэтической манере, – как поэты его поколения и отчасти он сам проходили через Пастернака. Статьи о нем и книги, анализ и трактовка творчества (с взаимоисключающими выводами), конференции, вечера памяти, журналистское цитирование, анекдоты о нем, посещение могилы в Венеции – эта сторона его посмертного существования приобрела постоянный и ровный характер, мало чем отличающийся от прижизненного. Даже для людей далеких от литературы он тот, которого преследовали власти, арестовали, на суде сказавший про свой дар «я думаю, это от Бога», сосланный на север, эмигрировавший в Штаты, ставший мировой знаменитостью. Что-то такое еще связанное с Ахматовой: она его совсем молодого выделила, чуть ли не передала лиру. Этого вполне довольно: в общем, так оно и есть, так оно и было.

Особых загадок его судьба не оставила – разве что два туманных «несобытия»: неприезд в Ленинград и неприезд в Израиль. Так сказать, на родину – и на «историческую родину». Ни того, ни другого объяснить не берусь, но рискну поделиться догадками. «Мы вас поселим в лучшей из наших вилл», – напирал мэр Собчак. Однако для Бродского люди, которые считают своими виллы, силой отобранные у реальных владельцев, были теми же самыми, которые считали, что имеют право не выпускать его родителей из Ленинграда на свидание с ним в Нью-Йорке. Приехать в город, где тебе заламывали руки и кидали на дно машины, где отца и мать приговорили умереть в одиночестве – и ни за что никогда внятно не попросили прощения, – трудно объяснимый акт.

Но это была не единственная, а может быть, и не главная причина. Поэт живет в том же измерении, что и все его современники, однако ось его пространства наклонена под иным углом, нежели общепринятая. Если выразить это максимально просто: все, включая поэта, видят звезды на ночном небе, а он слышит еще, как «звезда с звездой говорит». Поэт ощущает свою дистанцированность от других. Это не высокомерие, не взгляд свысока, это реальное качество поэта, которое в глазах публики выглядит загадочностью. А приехать в город, где ты был «Оська», где и сейчас малознакомый, если не вовсе незнакомый, прохожий может остановить на улице и начать хвалить, ругать, а то и качать права, – тоже не совсем оправданное испытание. Ради чего? Друзей, с которыми расстался в 1972 году, можно было увидеть, когда они приезжали в Нью-Йорк. Увидеть Кресты, где сидел, – сомнительное удовольствие.

Что же касается Израиля, то там ты и вовсе голый. Скажем, приехал по чьему-то высокому приглашению, надел на себя английский костюм, французский галстук, медленно идешь по пустой в полдень улице, глазеешь на дома и деревья. Появляется кто-то движущийся навстречу, в момент сближения бросает на тебя короткий взгляд – в котором ты, бросив такой же на него, читаешь, что вот, идет аид прикинутый, как будто он лорд и у лорда в гостях, а на самом деле он – копия капли воды дядя Яша, а кто такой дядя Яша и какая ему цена, мы тут великолепно знаем. Иначе говоря, ты можешь столкнуться тут с почти двойниками. Тут уже живет поэт с таким же именем, как у тебя, и тридцать лет назад, в Ленинграде, вас уже путали. Тем более ты тоже картавишь. Тем более ты тоже рыжий, пусть бывший, но здесь это узнаётся. Короче, никакая ты уже не уникальная индивидуальность, а еврей, как все. Дистанцированность разрушается само собой, но еще до нее – самоидентификация. Ты начинаешь чувствовать себя непривычно, неестественно и неудобно, и на кой черт ради этого приезжать.

Исторической родиной Бродский, похоже, Израиль не ощущал (почему выше эти слова и взяты в кавычки). Еврейскость, еврейство занимает в его поэзии незначительное место и приходится на ранние годы. Стихотворение «Еврейское кладбище» – ожидаемого содержания – тривиально перечисляет: «юристы, торговцы, музыканты, революционеры». Пронзительны две строки из «Рождественского романа»: «Блуждает выговор еврейский / На желтой лестнице печальной». Поэма «Исаак и Авраам» гипнотизирует библейской внушительностью, лингвистической дерзостью и выходом в современность. Прибавим сюда макаронические «Два часа в резервуаре», где рифмы типа «шпацирен-официрен» напоминают скорей идиш сестер Берри, чем дойче Гете.

Но, близко зная его с 19 лет и до конца жизни, свидетельствую, что он любил родительский дом, был верен родне и семейному укладу. Что антисемитизм всегда вызывал в нем мгновенный нерассуждающий отпор. Что он никогда не разыгрывал из себя ассимилированного или эмансипированного еврея. Другое дело, что он был им. В шуточных стихах другу, извиняющихся и сокрушающихся по поводу пропущенного дня рождения, четко расставлены вкусовые – и проглядывающие за ними культурные – вкусы и приоритеты: «Теперь мне пищей, вне сомнений, / одна маца. / Ни шашлыка мне, ни пельменей, / ни холодца». Он родился с еврейской психикой, но человеком был культуры христианской. В Израиле на это противоречие реагируют обостренно, так сказать, на генетическом уровне. Еврею христианской культуры, приезжающему извне, трудно освоиться в еврейском Иерусалиме.

Можно предположить, что Бродский знал все и про Ленинград, и про Израиль. И рассматривал это как веский довод против поездок. Он хотел, чтобы ни кровь, ни мысль не делала его зависимым – все равно от бывших согорожан или от соплеменников. От всех считавших, что могут заявить на него права.

15–21 февраля

Сериал «В круге первом» – из ряда вон выходящий сразу в нескольких планах. Все равно, в каком порядке их перечислять.

Он выходит вон из ряда сериалов так называемых серьезных. Это не «Мастер и Маргарита», решенный в эстетике театральности и по самой своей ткани, сплетенной из мягкой *сатиры* и *фэнтези* вперемежку с печальной драмой, никакого другого решения и не предполагающий. Это и не обосновавшийся органично в культурно-исторической плоскости «Идиот» – наше внеклассное чтение. И не «Золотой теленок» – справочник и инструктаж по методике острословия... «В круге» – при всей своей художественности, хорошей или плохой (в целом скорее хорошей, чем наоборот), нацелен на документальность, то есть: *так* потому, что так *было*, а не потому, что сценарист придумал. Мы не то чтобы верим режиссеру Панфилову, а – доверяем. Но в ту самую меру, как когда верим.

Он выходит из ряда потому, что половина, а то и больше, зрителей помнит, как, в каких обстоятельствах, в какое время этот роман ими читался и какое впечатление произвел. Какой экземпляр машинописи им тогда попался. Или в каком переплете, какого размера книжка, изданная «ИМКА-Пресс». Как и куда это прятали, у кого брали, кому передавали, как боялись, что застукают. Они автоматически отмечают, чем *не* совпадает нынешнее впечатление с тем давним; чем то было значительнее, пронзительнее, свежее нынешнего (едва ли наоборот, хотя бы потому, что едва ли их нынешний возраст предпочтительней того молодого).

А еще по той причине «Круг» стоит особняком, что какая-то часть зрителей помнит и время действия фильма. Может быть, не обязательно 1949 год, но тот послевоенный нищий быт, необъяснимо угрюмое настроение, давление атмосферного столба. А оказывается вон еще как оно было. Вон что творилось в получасе автобусной езды, в усадьбе на тогдашней окраине Москвы. В высотке на Котельнической набережной. На Лубянке. В Кремле. Мы этого тогда не знали, не могли знать. А вот студенческое общежитие каким-то боком было нам знакомо. Внутренность зимнего автобуса – очень даже знакома, кожей и сейчас ощущается.

Еще один план – сопоставление той действительности с сегодняшней. Не авторами навязанное, а приходящее на ум само собой. Насколько возможно *такое* сейчас? Насколько мы – они, *те*? И какие те: зэки или конвой? В какой степени мы-они готовы капитулировать – или, наоборот, какая мера нашего сегодняшнего мужества? И даже захоти мы не думать об этом, ничего не получится, когда на экране сразу вслед за очередной серией начинается фильм «БН», о Ельцыне, и это фильм о том же: чего мы стоим в крайних ситуациях?

И наконец, это нечто совсем, совсем другое, нежели общая масса сериалов, даже лучших. Прежде всего потому, что книга другая. Она утратила масштаб поступка, которым являлась 40 лет назад, но тем явственней обнаружил себя масштаб ухваченных ею смыслов. По сравнению с той литературой, к которой принадлежит этот роман, новая, молодая как будто специально пишется (а возможно – как будто специально ее сочинители задуманы) так, чтобы быстро – а точнее, сразу – забываться. Как продукты, на упаковке которых обязательно должен стоять срок годности, и это всегда – сегодняшнее число. Как башмаки, которые, покупая, знаешь, что на сезон. Даже не потому, что такие не понесешь, если что, чинить к сапожнику. А потому, что на следующий сезон они станут знаком того, что твои дела пошли хуже, раз ты не покупаешь новые.

Нарекания на фильм сводятся, в основном, к простым, не лишенным оснований констатациям: то-то, то-то и то-то – не достоверно. Мол, чиновник МИДа не мог знать государственной тайны такого уровня и уж во всяком случае не мог произнести ее по телефону: он был бы разъединен немедленно – чекистом, сидящим на входных-выходных звонках в иностранное, в особенности американское, посольство. Ну да, ну да. Но это все-таки не протокол из секрет-

ных архивов МВД, инсценированный для придания ему живости. Это роман, это литература и искусство. Еще менее вероятно, например, что статуя Командора может сдвинуться с места и явиться к Дон Жуану. Как сыграть. Певцов играет так, что вопроса о подлинности происходящего не встает.

Таких дорогих и элегантных шубок и платьев у девушек, живущих в общежитии, тогда не было. Но сцена построена Панфиловым так, что мы видим не пятерых советских аспиранток в комнате, а пятерых молодых актрис, которые *играют*: играют *образы* девушек. Без утомительного, сиюминутного, мелочного, вульгарного правдоподобия, а как каких-нибудь, предположим, тургеневских – только прочитавших уже и Достоевского, и – чудом – «Архипелаг ГУЛаг».

Выражают недовольство также тем, что всё монологи, диалоги, а где действие? Опять скажу: ну да. Отличается от беглости реплик в постановках, наших и ненаших, уверенно господствующих на экране. От споров, перепалок, подначек, насмешек, в которых каждая следующая стирает предыдущую. В «Круге» они другого удельного веса, они написаны писателем, у которого нет бутафорских слов. В самом их звуке что-то, что важно услышать. Панфилову позавидуешь, что у него такой сценарист. Панфилову не позавидуешь, потому что с таким сценаристом нельзя снять ничего проходного или импрессионистического. Все должно быть без обмана: снег – белый, лица – чистые, фигуры – крупные. Слова – Солженицына.

Еще того, сорокалетнего, могучего, невероятного. Которым интересовались не как сейчас: те, кому он интересен, – а все. От генсека КПСС до бомжа. Потому что им нельзя было не интересоваться. Он входил в жизнь каждого, не спрашивая согласия. Говорил, как Лютер: «На том я стою и не могу иначе». И важно было не «я» и не «на том», как стало впоследствии, а «стою!». Исключительно важно. И отзвук этого «стою!» слышен в речах нынешнего сериала.

1–7 марта

50 лет назад, в конце февраля 1956 года, Никита Хрущев прочел на XX съезде КПСС невыносимый доклад, который сразу стало принято называть «разоблачающим культ личности». Попросту же – злодеяния Сталина. А точнее, систему власти, не только располагающую к этим злодеяниям, а исключительно через них функционирующую.

Невыносимым доклад был, в первую очередь, потому, что этот, по бессмертному слову поэта, «сброд тонкошеих вождей», «полулюди», из которых «кто свистит, кто мяучит, кто хнычет», второстепенные даже по отношению к нравственно и интеллектуально убогому главарю, на такое все-таки решились. А во-вторых, по величине пережитого людьми страдания, поданного докладчиком в прожигающей душу и рассудок концентрации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.